

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 16

1 Септября.

ОРТОПЕДІЯ и БАНДАЖИ

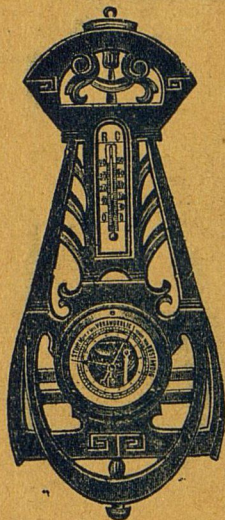
Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и специалистъ по ортопедич. механикѣ.

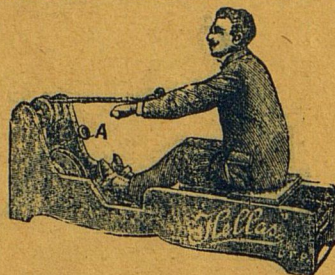
Москва, Маросейка (№ 15), д. Тушинной. ☎ Телефонъ 98-20.

МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСКІЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.

Къ услугамъ дамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственные ноги, руки. Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то корсеты и шины (Hessing-Hoffa). Бандажи для грыжъ и бандажи брюшныя всевозможныхъ системъ. Слуховыя трубки. Резиновыя чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб. Разныя франц. и гигиеническія вещи.

БАРОМЕТРЫ отъ 5—25 руб.

ГРАДУСНИКИ.

ШОКОЛАДЪ

ЭЙНЕМЪ

ЛУЧШАЯ ЗАБАВА ДЛЯ ДѢТЕЙ ПАТЕФОНЪ

СЪ ПЛАСТИНКАМИ.

МОСКВА,
Тверская, 36, д. Бахрушина,
магазинъ **ПАТЕ.**

Каталоги по требованію бесплатно.

Фирма наша никакихъ

отдѣленій не имѣтъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Братья Павелъ и Федоръ Марковы

МОСКВА, Никольская, Черкасскій пер., Общественный дворъ, № 5.

Телефонъ № 47-21.

ОПТОВО-РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Бриллиантовыми, Золотыми и Серебряными издѣліями

ЗОЛОТОМЪ И СЕРЕБРОМЪ ВЪ СЛИТКАХЪ И ЛИСТАХЪ.

Часы „ОМЕГА“

ПОКУПАЕМЪ ЗОЛОТО И СЕРЕБРО ВО ВСѢХЪ ВИДАХЪ.

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ:

МОСКВА, АФИНЕРЪ.

Просимъ не смѣшивать

съ нашими однофамильцами.

Какъ мнѣ научиться рисовать?

УРОКИ РИСОВАНІЯ ДЛЯ ШКОЛЫ И ДОМА

== I. ВАНЪ-ДАЙКА. ==

Издание журнала „Дѣтскій Міръ“

15 выпусковъ по цѣнѣ 15 коп. съ пересылкой 17 коп.

вышли въ свѣтъ выпуски 1—5.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Керосино-Калильная горѣлка на свѣтъ,

у которой приспособленіе для установки фитиля никогда не можетъ быть вставлено неправильно, называется

„ГУНДСЪ“

САМОЕ ЛУЧШЕЕ

ВСЕГДА

САМОЕ ДЕШЕВОЕ!

Германскій Государственный патентъ. — 9 иностранныхъ патентовъ.

Свѣтовая сила 80—90 свѣчей. Количество потребляемаго керосина 50 гр. въ часъ.

„ГУНДСЪ“

ЕДИНСТВЕННАЯ КЕРОСИНО-КАЛИЛЬНАЯ ГОРѢЛКА НА СВѢТЪ, которую можно оставить послѣ зажиганія безъ присмотра и которая тѣмъ не менѣе не коптитъ!

Магазинъ газо-керосино и спирто-калильнаго освѣщенія

и сътокъ всѣхъ системъ.

Москва, Мясницкая, Фурасовскій пер.,
д. Рахманова.

ф. ф. Зотовъ.

ТЕЛЕФОНЪ № 124-32.

„Лодень“

— Настоящая Баварскія

НЕПРОМОКАЕМЫЯ

Шерстяныя Матеріи, Накидки и проч.

Самое цѣлесообразное гигиеничное верхнее платье для всѣхъ.

Прочно, Изящно и Дешево.

П. В. ПАЛЬМЪ,

Москва, Мясницкая ул., Милютин-
скій пер., № 4. Телефонъ № 112-83.

М. И. К.

МАНДЛЬ

МОСКВА,

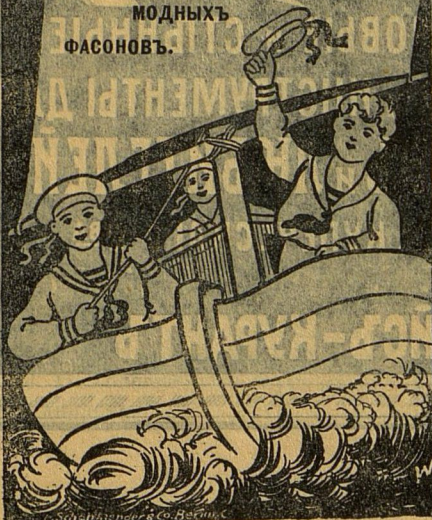
1. Софійка.
2. Тверская.
3. Петровка.

Кієвъ, == С.-Петербургъ,
== Ярославль, ==
Ростовъ н/Д., == Бану

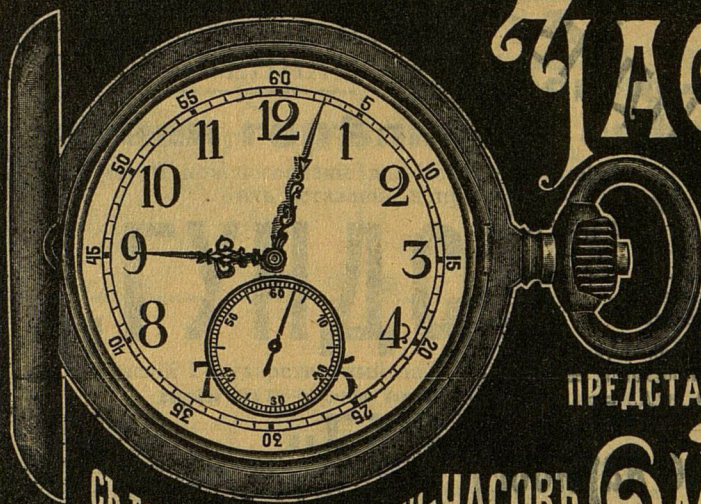
Дѣтскіе жаряды.

ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ
И ДѢВОЧЕК

МОДНЫХЪ
ФАСОНОВЪ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
М.П.КАЛАШНИКОВЪ и СЫНЪ

ЧАСЫ

ПЕРВОКЛАСНЫХЪ
ФАБРИКЪ

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

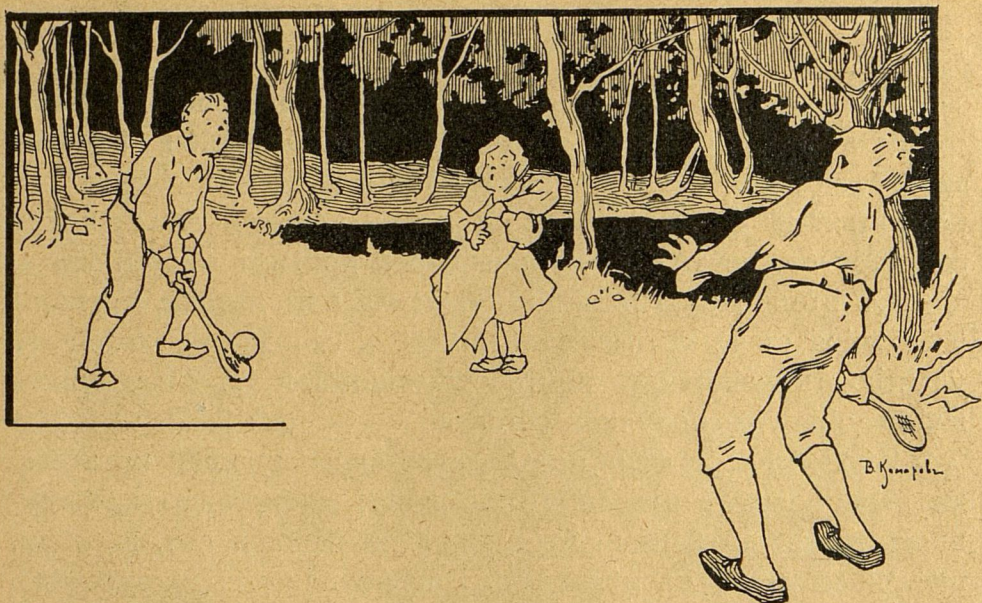
СЪ ТОЧНОСТЮ ВЫВЕРЕНН. ЧАСОВЪ „ОМЕГА“

И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТОЛОВЫЕ И СТѢННЫЕ,
ВСѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ
Г. ЧАСОВЩИКОВЪ И ЛЮБИТЕЛЕЙ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, Д. КУПЕЧЕСКАГО ОВА

ТРЕБУЙТЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Б. П. ГРКЕ

Дѣтскій Міръ

1908

№ 16. 1 Септября.

Содержаніе: Нашимъ читателямъ.—И. С. Тургеневъ.—Странное слово. Л. Мищенко.—Л. Н. Толсаой.—Въ глубь вѣковъ. П. Джунковскаго. (Продолженіе).—Туманъ.—Объявленія.

Нашимъ читателямъ.

Въ возможно скоромъ времени редакція предполагаетъ открыть при журналѣ новый отдѣлъ „**Всемирный почтовый ящикъ**“, который далъ бы возможность русскимъ дѣтямъ переписываться со своими сверстниками другихъ культурныхъ государствъ, не только Европы, но и другихъ частей свѣта.

Съ этой цѣлью редакція обратилась въ дѣтскіе журналы всего міра съ предложеніемъ привлечь своихъ читателей къ участию въ всемірномъ почтовомъ ящикѣ, и отъ нѣкоторыхъ журналовъ уже получила согласіе.

Способъ переписки предполагается слѣдующій: читатель, желающій узнать что либо отъ своихъ сверстниковъ, живущихъ напр., въ Англіи, въ Египтѣ, въ Японіи и т. д., обращается къ нимъ съ письмомъ. Письмо пишется на русскомъ языкѣ и адресуется въ Москву, въ редакцію „Дѣтскаго Міра“. Въ редакціи это письмо переводится на иностранный языкъ и отсылается для напечатанія въ соотвѣтственный журналъ. Отвѣты, написанные на мѣстномъ языкѣ, пересылаются редакціями въ Москву, гдѣ переводятся на русскій языкъ и печатаются въ „Дѣтскомъ Мірѣ“, въ отдѣлѣ „Всемирный почтовый ящикъ“. Такимъ же способомъ, но только въ обратномъ порядкѣ, читатели журнала получаютъ запросы изъ другихъ государствъ и отвѣчаютъ на нихъ. Списокъ журналовъ, пожелавшихъ примкнуть къ „В. П. Я.“, будетъ помѣщаться въ каждомъ № журнала, такъ что читатели всегда будутъ знать съ какимъ государствомъ они въ данное время могутъ переписываться.

Редакція интересуется тѣмъ, какъ отнесутся читатели къ этой попыткѣ установить общеніе между ними и дѣтьми всего міра и проситъ сообщить, желательно ли будетъ имъ открытіе въ журналѣ этого новаго отдѣла?

И. С. Тургеневъ.

..... жилъ ты и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту.
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ въ могилу
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.
(Надъ могилой И. С. Тургенева.)

С. Я. Надсонъ.

23-го августа текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти Ивана Сергѣевича Тургенева. Слава, его, какъ писателя-художника, распространилась далеко за предѣлы Россіи. Это первый русскій писатель, который пользовался такой всемірной извѣстностью; его произведенія, переведенныя на иностранные языки, занимаютъ не послѣднее мѣсто въ литературѣ Западной Европы.

Большую часть своей жизни Тургеневъ провелъ за границей, но это не мѣшало ему внимательно слѣдить за жизнью своей далекой родины, чутко прислушиваться къ ея страданіямъ. А рѣзкая разница между свободнымъ и развитымъ народомъ, среди котораго онъ жилъ, и тѣмъ мракомъ и невѣжествомъ, въ которомъ задышалась его родина, запятнанная позорнымъ клеймомъ рабства, не давала заглохнуть той ненависти къ крѣпостному праву, которая еще съ дѣтства зародилась въ душѣ Тургенева, и забыть горячую юношескую клятву:—бороться съ крѣпостничествомъ, пока хватитъ силъ.

Борьба началась цѣлымъ рядомъ его несравненныхъ разсказовъ „Записки Охотника“.

Помимо той художественной красоты, которой дышатъ картины родной природы, разсказы его проникнуты великой любовью и состраданьемъ къ униженному и обездоленному крестьянину-рабу.

„Записки Охотника“ занимаютъ первое мѣсто среди другихъ произведеній нашего писателя не только по своимъ художественнымъ достоинствамъ, но и по своему ярко выраженному національному характеру.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28-го октября 1818 года, въ г. Орлѣ. Родители его были богатые помѣщики Орловской губерніи. Кромѣ нашего писателя у Тургеневыхъ былъ еще сынъ Николай. — Дѣтство и отрочество И. С. прошло въ родовомъ имѣніи Спасскомъ, гдѣ, почти безвыѣздно жили его родители.

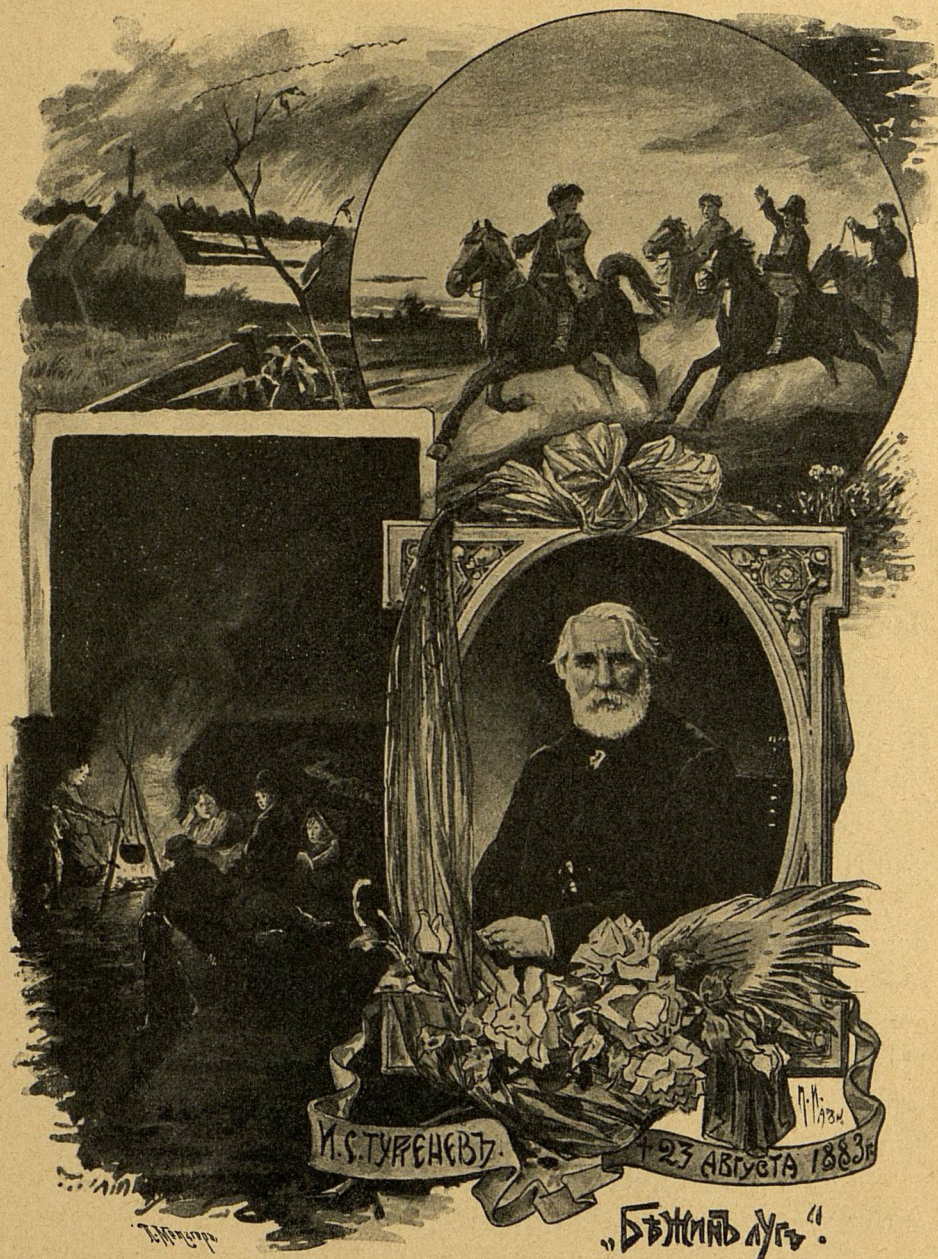
Воспитаніе дѣтей находилось всецѣло въ рукахъ иностранцевъ-гувернеровъ. Послѣдніе, какъ это случалось довольно часто въ то время, не только не обладали никакими педагогическими талантами, но нерѣдко не умѣли даже правильно писать на своемъ родномъ языкѣ.

Такъ, напримѣръ, Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ объ одномъ нѣмцѣ-гувернерѣ, который у себя на родинѣ занимался ремесломъ сѣдельника.

Родители Тургенева жили шумно и весело. Въ домѣ царилъ вѣчный праздникъ. Громадная дворня, даровой трудъ крестьянъ давали возможность исполнять всѣ прихоти сытаго и празднаго барства. Домомъ правила мать Тургенева — женщина властная и жестокая, передъ гнѣвнымъ взоромъ которой трепетали не только безгласные дворовые, но и собственные дѣти и ихъ гувернеры. — Послѣдніе, надо сказать, немногимъ отличались отъ дворни въ глазахъ богатой и могущественной — въ своемъ маленькомъ міркѣ — помѣщицы.

Празднично-нарядная и вѣчно веселая жизнь барскаго дома, рядомъ тяжелый трудъ крѣпостныхъ, жестокія расправы съ провинившимися дворовыми — все это не могло пройти незамѣченнымъ мимо чуткой души Тургенева.

Чувство стыда и ненависти къ рабству рано созрѣло

„БЕЖИМЪ ЛУГЪ“.

въ душѣ ребенка, осталось на всю жизнь и, окрѣпнувъ съ годами, ярко и сильно вылилось въ „Запискахъ Охотника“.

Воспитанный иностранцами-гувернерами, маленькій Тургеневъ почти не зналъ родного языка.—Въ семьѣ Тургенева русскую литературу находили грубой и вульгарной, и интересоваться ей считалось дурнымъ тономъ. Своимъ знакомствомъ съ русской литературой, а отчасти и любви къ родной поэзіи, Тургеневъ обязанъ одному своему дворовому человѣку—поэту въ душѣ.

Забираясь въ глушь громаднaго парка, Тургеневъ вмѣстѣ съ Пунинымъ, какъ звали этого двороваго, съ увлеченіемъ читалъ Ломоносова, Сумарокова, Кантемира и др.

Двѣнадцатилѣтняго Тургенева отправили въ Москву, въ пансіонъ Вейденгаммера. Но въ этомъ пансіонѣ Тургеневъ пробылъ недолго и перешелъ въ пансіонъ директора Лазаревского Института Краузе.

Здѣсь Тургеневъ познакомился болѣе обстоятельно съ русской литературой, кромѣ того изучилъ англійскій языкъ. По окончаніи пансіона Тургеневъ поступилъ въ Московскій Университетъ на словесный факультетъ.

Во время его пребыванія въ Московскомъ Университетѣ умеръ отецъ, а мать переселилась въ Москву.

Тургеневъ въ Московскомъ Университетѣ пробылъ только одинъ годъ, а затѣмъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перешелъ въ Петербургскій Университетъ, гдѣ единственнымъ выдающимся профессоромъ въ то время былъ Плетневъ, профессоръ русской словесности. Черезъ Плетнева Тургеневъ, будучи еще студентомъ, завязалъ знакомство съ литературнымъ міромъ.

Окончивъ университетъ, Тургеневъ осуществилъ свою завѣтную мечту—уѣхалъ за границу. Попасть за границу въ то время было дѣломъ далеко нелегкимъ, такъ какъ

правительство смотрѣло очень неодобрительно на подобныя поѣздки, да и заграничный паспортъ стоилъ не дешево (500 руб. сер.).

Между прочимъ, всѣ, кто только могъ, стремились за границу.—Режимъ царствованія Николая I тяжелымъ гнетомъ давилъ общество.

По возвращеніи изъ заграницы, гдѣ Тургеневъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, онъ впервые выступаетъ на литературное поприще. Мать Тургенева не сочувствовала занятіямъ сына, находя, что писать стихи не дворянское дѣло. Какъ оказывается, она признавала изъ русскихъ писателей только одного Жуковского, да и то потому, что послѣдній былъ принятъ при дворѣ.

Въ 1850 г. умерла мать Тургенева, оставивъ сыну нѣсколько богатыхъ, хорошо устроенныхъ имѣній.

Первое что сдѣлалъ нашъ писатель, получивъ громадныя помѣстья,—отпустилъ крестьянъ на волю.

Въ 1852 г. появились въ печати „Записки Охотника“ и сразу завоевали любовь и симпатію общества молодому писателю.

Горячее сочувствіе къ крѣпостному крестьянину и рѣзкое осужденіе дворянина-крѣпостника не прошло даромъ нашему писателю. Въ этомъ же году умеръ Гоголь, Тургеневъ написалъ некрологъ, за что и былъ арестованъ. Отсидѣвъ три недѣли въ крѣпости, Тургеневъ былъ высланъ въ свое имѣніе.

Ссылка не была особенно строгой, онъ имѣлъ право наѣзжать по дѣламъ въ Петербургъ.

Но въ теченіе 4 лѣтъ Тургеневъ не могъ получить заграничнаго паспорта. И такимъ образомъ Тургеневъ заплатился и за вольный языкъ своихъ рассказовъ, и за частыя поѣздки за границу.— Въ 1856 г. Тургеневъ получилъ пас-

портъ и снова уѣхалъ за границу. Затѣмъ его наѣзды въ Россію дѣлаются все рѣже и рѣже.

Послѣдній разъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію въ 1881 г. и провелъ лѣто въ своемъ родовомъ имѣніи—Спасскомъ. Больше ему не удалось увидеть своей родины. Онъ умеръ 1883 г. 23-го августа въ Буживалѣ. Тургеневъ умеръ въ домѣ знаменитой пѣвицы Віардо, къ семьѣ которой онъ былъ привязанъ, какъ къ родной.

Послѣднее письмо, написанное Тургеневымъ передъ смертью, было адресовано Л. Н. Толстому, „Великому писателю земли русской“, какъ назвалъ его Тургеневъ. Между прочимъ, Тургеневъ въ своихъ переводахъ первый познакомилъ Западную Европу съ произведеніями Л. Н. Толстого.

Тѣло Тургенева было перевезено въ Петербургъ и похоронено на Волковомъ кладбищѣ, согласно его волѣ.

На всѣхъ станціяхъ, гдѣ только останавливался поѣздъ, везшій тѣло Тургенева, громадныя толпы народа, не только русскихъ, но и иностранцевъ, спѣшили отдать послѣдній привѣтъ великому писателю.

Странное слово.

Одинъ изъ великихъ русскихъ писателей, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, оставилъ намъ задушевный и глубоко прочувствованный завѣтъ: беречь великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ.

Это значить, что надо съ любовью и пониманіемъ самаго духа языка относиться ко всѣмъ оборотамъ, отдѣльнымъ мѣткимъ словамъ, поговоркамъ, пословицамъ, ходкимъ выраженіямъ, что не надо искажать родной языкъ, коверкать

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

Русалки.

Карт. Крамского.

его, затемнять, наводнять чужими словами, непонятными фразами.

Вполнѣ понятно, что такая любовь къ своему родному языку должна быть любовью разумною, а не слѣпою и часто доходящей даже до смѣшного. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, на-примѣръ, настаивать теперь на томъ, чтобы, положимъ, вовсе не употреблять словъ не русскихъ, иностранныхъ. При такомъ строгомъ требованіи всѣ мы были бы поставлены въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ сразу бы лишились большого числа самыхъ простыхъ, общеизвѣстныхъ и необходимыхъ словъ, какъ-то: чемоданъ, карандашъ, тьма, солдатъ, кадетъ, юнкеръ, офицеръ, генералъ, вокзалъ, гимназія, экзаменъ, кафедра, январь, февраль, фонтанъ, штат-

скій, фамилія, авторъ, адресъ, алфавитъ и многихъ-многихъ другихъ. Справедливо поэтому говорятъ: „тотъ, кто знаетъ всего одинъ языкъ,—не знаетъ ни одного языка“.

Ну, а откуда же и зачѣмъ берутся всѣ новыя и чужія слова? Къ чему и какъ это появляются они хотя бы и въ нашемъ русскомъ языкѣ? Зачѣмъ они нужны?

Маленькому ребенку для его простой и беззаботной жизни надо очень мало словъ: мама, папа, ѣсть, гулять, хочу, игрушки, шоколадъ, конфекты, булки, супъ... Чѣмъ, однако, ребенокъ становится больше, тѣмъ съ большимъ числомъ предметовъ, живыхъ и неодушевленныхъ, приходится ему имѣть дѣло, а значитъ, надо же умѣть ихъ различать, умѣть ихъ называть. Эти-то названія предметовъ или разныхъ явленій и составляютъ новыя слова.

Прежде люди жили, какъ звѣри, жилищъ и одеждъ не имѣли, скитались по лѣсамъ и полямъ, не знали огня, металловъ, оружія. Съ каждымъ новымъ открытіемъ прибавлялись новыя слова, и расширялся у человѣка общій кругъ понятій.

Что происходило съ дикими племенами въ древности, что происходитъ съ нами и съ дѣтьми сейчасъ, по мѣрѣ ихъ развитія, — то же самое наблюдается и на народахъ, и людяхъ образованныхъ: знакомясь съ новыми предметами и явленіями, народы и отдѣльные люди поневолѣ расширяютъ свой запасъ словъ, либо выдумывая новыя слова — новыя названія, либо заимствуя ихъ у своихъ сосѣдей-иностранцевъ. Такое введеніе иноземнаго, чужого слова должно считать только желательною прибылью языка, ибо вмѣстѣ съ новымъ словомъ языкъ получаетъ и новое понятіе.

Надо помнить, кромѣ того, что выдумываніе новыхъ русскихъ словъ очень трудно, такъ какъ всѣ составныя,

многосложныя слова чужды русскому языку и какъ-то рѣжутся русское ухо.

Зато особенно характерною гибкостью при образованіи составныхъ многосложныхъ словъ, встрѣчающихся зачастую даже у лучшихъ народныхъ поэтовъ, отличается нѣмецкій языкъ. Какъ на курьезъ, указываютъ на нѣмецкое слово, состоящее изъ 27 слоговъ!

Въ смыслѣ сокращенія словъ особенно удобенъ живой и энергичный языкъ французовъ, на которомъ, напримѣръ, слово автомобиль — „l'automobile“ очень скоро сократилось въ „teuf-teuf“ или просто въ „auto“. И, право, лучше такія чужія, иностранныя, да короткія названія, чѣмъ самобытныя, да неуклюжія.

Автомобиль названъ фламандскими языковѣдами-филологами такъ: *snelpaardelooszoondeerspoorwegpetrootjuig*.

Это курьезное названіе составилось слѣдующимъ образомъ: *snel* — быстрый; *paardeloos* — безъ лошади; *zoondeerspoorweg* — безъ рельсъ; *petrootjuig* — движущійся при помощи петроля,—то есть, керосина.

А пока выговоришь это длинное слово,—хорошій автомобиль тѣмъ временемъ легко пройдетъ цѣлую версту, или километръ (французская мѣра, равная длинѣ, нѣсколько меньшей версты).

Л. Мищенко.

Л. Н. Толстой.

Левъ Николаевичъ Толстой родился 28-го августа 1828 г. въ имѣніи своей матери „Ясная Поляна“ (Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи).

Рано оставшись сиротой, Толстой воспитывался своими

дальними родственниками. 16 лѣтъ онъ переѣхалъ на житьство въ Казань, гдѣ и поступилъ въ университетъ, въ отдѣленіе восточныхъ языковъ. Курсъ университета Толстой

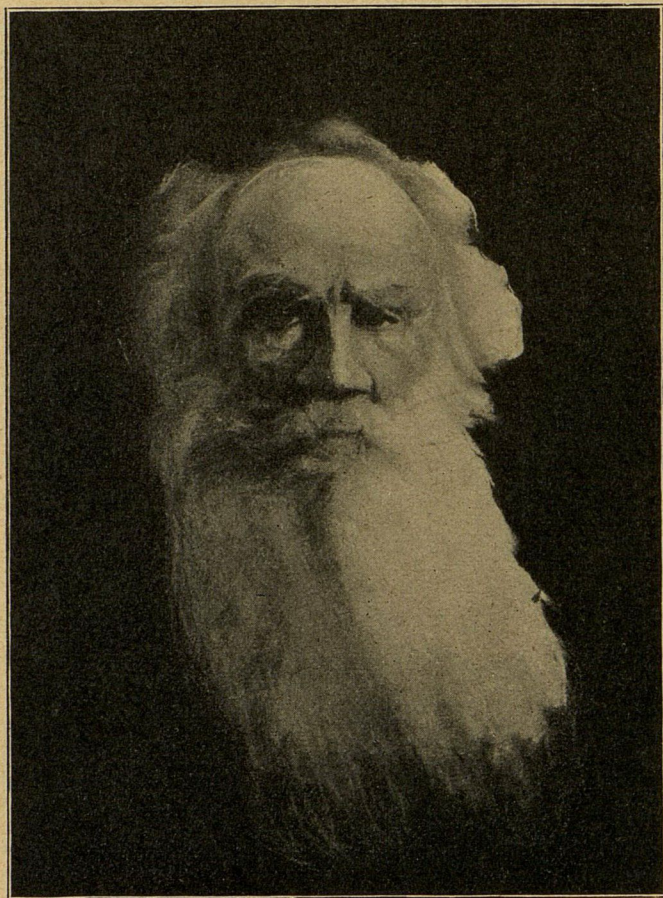

Рис. пастелью И. Гринмана 29 мая 1908 г.

Л. Н. Толстой.

не кончилъ и черезъ четыре года вернулся снова въ „Ясную Поляну“. Въ своемъ произведеніи „Дѣтство, отрочество и

юность“ Толстой изобразилъ этотъ первый періодъ своей жизни.

Послѣ продолжительнаго пребыванія въ „Ясной Полянѣ“ Толстой поступилъ на военную службу, и служилъ сперва на Кавказѣ, а затѣмъ въ Севастополѣ. Въ 1855 г. вышелъ въ отставку и поселился въ С.-Петербургѣ. Въ 1857 г. предпринялъ большое путешествіе за границу. Вернувшись въ Россію и проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, Толстой вторично ѣздилъ за границу и изучалъ тамъ постановку дѣла народнаго образованія.

Съ начала семидесятыхъ годовъ Толстой почти безвыѣздно живетъ въ своемъ имѣніи („Ясной Полянѣ“).

Сочиненія Толстого, написанныя имъ до 1878 года, составили ему славу мірового писателя. Они относятся къ изящной литературѣ. Наиболѣе замѣчательныя „Война и Миръ“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Анна Каренина“, „Казаки“, „Севастопольскіе рассказы“ и т. д.

Послѣдующія сочиненія Толстого: „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Что дѣлать?“, „О жизни“ по своему характеру сильно отличаются отъ первыхъ, и заключаютъ въ себѣ изложеніе взглядовъ Толстого на жизнь. По ученію Толстого высшимъ закономъ для человѣка является любовь къ ближнимъ. Свои взгляды Толстой основываетъ на ученіи Христа, изложенномъ въ Евангеліи, откуда онъ выводитъ и заповѣдь непротивленія злу насиліемъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственные приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

Слѣдуя общему примѣру, наши друзья также принялись за работу. Ганцъ и Бруно вскарабкались на деревья, а дядя Карлъ и Іоганъ расположились внизу,—подбирать плоды, которые срывали и стряхивали братья.

Хозяева ихъ занялись тѣмъ же на сосѣднемъ деревѣ и, такимъ образомъ, общая работа пошла своимъ чередомъ.

— Обратите вниманіе Іоганъ,—сказалъ г. Курцъ,—что среди всей этой сутолоки, мы еще ни разу не замѣтили ни ссоры изъ-за плодовъ, ни даже простого недоразумѣнія.

— Совершенно справедливо г. профессоръ, но меня еще болѣе удивляетъ то обстоятельство, что между этими допотопными чертенятами, съ вашего позволенія, я говорю о здѣшнихъ ребятишкахъ, повидимому, совершенно не существуетъ драки. По крайней мѣрѣ, я вотъ уже добрыхъ полчаса стараюсь уловить хотя одинъ подзатыльникъ, но до сихъ поръ ничего подобнаго не замѣтилъ. Не знаю, какія отмѣтки получили бы эти малыши въ нашей воскресной школѣ по ариѳметикѣ и по географіи, но за поведеніе имъ навѣрное поставили бы по пятеркѣ.

— Мой милый Іоганъ,—благосклонно отвѣчалъ ему ученый,—сдѣланное вами наблюденіе весьма интересно, а выводъ изъ него тотъ, что современному человѣку еще невѣдомы ссоры и драки, какъ непремѣнная приправа жизни. Къ сказанному вами я могу прибавить, что ни разу не замѣтилъ

здѣсь, чтобы старшіе били, или даже грубо обращались съ дѣтьми...

— Посмотри-ка, шепнулъ Ганцъ, — обращаясь къ Бруно, — миролюбіе мѣстнаго общества подѣйствовало, кажется, заразительно и на нашихъ ученыхъ, взгляни какое необыкновенно-трогательное согласіе царить между ними въ настоящую минуту.

— Къ сожалѣнію я сильно побаиваюсь, что этого согласія хватить имъ не надолго и думаю, что они не упустятъ случая просвѣтить этихъ дикарей, познакомивъ ихъ со всею сладостью споровъ и прерѣканій. Меня утѣшаетъ только то, что народъ этотъ, кажется, не особенно падокъ на прелести культурной жизни.

— Такъ-то оно такъ, Бруно, а все же не забывай, что вѣдь въ будущемъ этому народу суждено покинуть его теперешніе мирные нравы. Настанетъ время, когда эти люди, незнающіе теперь даже простыхъ ссоръ, возьмутся за оружіе, и можетъ быть даже здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, суждено разыгратъ не одной кровавой сценѣ раздора, вражды и братоубійства.

— Да, ты, конечно, правъ, имъ суждено пережить всѣ превратности грядущей исторіи, съ замѣтной грустью отвѣчалъ Бруно, и знаешь ли, правду сказать, мнѣ жаль этихъ людей. Развѣ не пользуются они теперь почти полнымъ счастьемъ, и развѣ за сомнительныя блага нашей культуры не предстоитъ имъ испытать то горе и страданіе, которыми усѣяна исторія человѣчества вплоть до нашихъ дней. Вѣдь сейчасъ у нихъ нѣтъ ни гордости, ни зависти, ни уваженія, ни насилія...

Какъ разъ въ этомъ мѣстѣ рѣчь нашего молодого энтузіаста была прервана самымъ неожиданнымъ образомъ. Мимо его уха свистя пролетѣлъ камень и ударился во что-то

Третьяковская галерея въ Москвѣ.

Карт. И. Рѣпина.

Иванъ грозный убиваетъ своего сына.

мягкое на ближайшей къ нему вѣткѣ, а вслѣдъ за тѣмъ оттуда съ разможеннымъ черепомъ свалился какой-то звѣрекъ величиною съ нашу бѣлку.

— Что это такое, — съ удивленіемъ спросилъ Бруно, обращаясь къ сыну ихъ хозяина, работавшему на сосѣднемъ съ нимъ деревѣ.

— Эти маленькіе звѣри, — пояснилъ тотъ, — наши враги, они ѣдятъ здѣсь плоды и мы всегда убиваемъ ихъ камнями.

— Вотъ тебѣ, мой милый мечтатель, невинное начало

Въ глубь вѣковъ

Таинственныя приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— Твоя дочь говоритъ, что всѣ вы чуете звѣрей и грозу, началъ онъ и вдругъ остановился. Женщина, глядя на него, очевидно, ждала, что скажетъ онъ дальше, а между тѣмъ дядя Карлъ, видимо, затруднялся продолжать свою рѣчь. Еще бы, онъ хотѣлъ спросить ее не обманываетъ ли ихъ ребенокъ, но увы,—въ лексиконѣ первобытнаго человѣка такого глагола не оказалось! и бѣдному ученому пришлось употребить минутъ десять на то, чтобы окольными путями объяснить ей свой вопросъ. Когда же эта женщина поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло, то пришла въ крайнее недоумѣніе и съ большимъ сожалѣніемъ поглядѣла на своего собесѣдника.

— Нѣтъ,—сказала она,—то что ты говоришь не можетъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ.

— Почему же не можетъ, воскликнулъ Курцъ удивленный такимъ отрицаніемъ возможности обмана. Вотъ посмотри, я срываю листь; для ясности онъ дѣйствительно сорвалъ съ ближайшаго куста листокъ и, показывая его хозяйкѣ, продолжалъ: ты видишь, онъ зеленый!

— Да, зеленый.

— Хорошо, а я пойду къ твоему мужу и скажу ему, что я сорвалъ и далъ тебѣ красный листь.

— Но вѣдь ты же сорвалъ зеленый листь.

— Зеленый.

— А если ты скажешь, что онъ красный,—онъ все же будетъ зеленый!

— Зеленый.

— Значить онъ и есть зеленый. Ты это самъ видишь, и я это вижу, и мой мужъ это видитъ и всѣ скажутъ, что онъ зеленый,—значить не для чего и говорить, что онъ красный, вразумительно закончила хозяйка, совершенно не понимавшая для чего сталъ бы человѣкъ тратить слова и время на столь пустыя затѣи.

Весьма назидательно было наблюдать въ это время ученаго европейца, смущеннаго полной невозможностью втолковать въ эту первобытную голову, что такое обманъ. Впрочемъ, онъ сдѣлалъ еще попытку и съ похвальнымъ терпѣніемъ долго старался просвѣтить этотъ непроглядный мракъ невѣжества, но увы всѣ его старанія остались тщетными, доисторическій человѣкъ оказался не въ силахъ подняться выше уровня своего развитія.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и, махнувъ рукою, отошелъ къ своимъ.

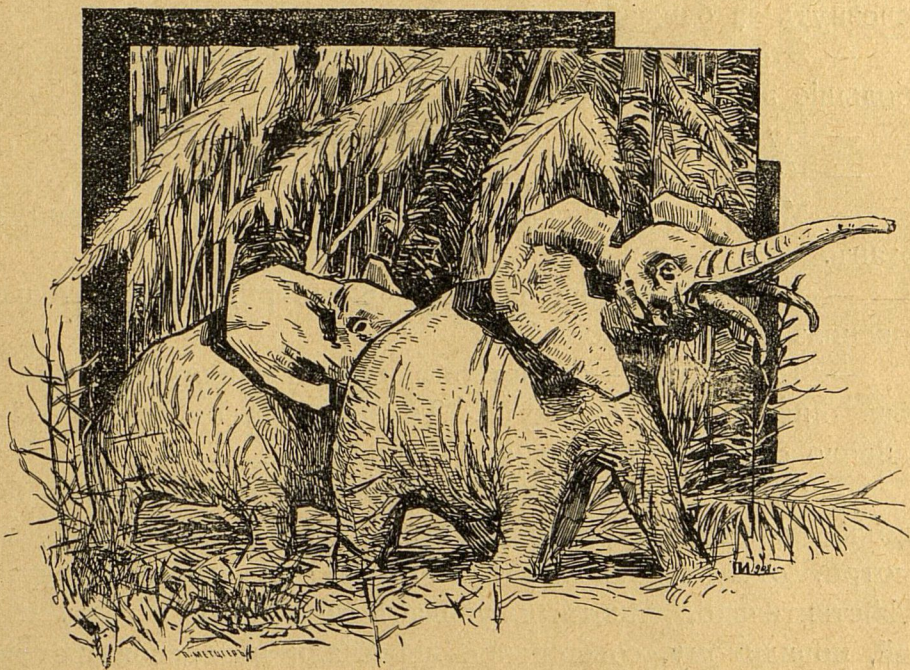
— Ну и народецъ! невольно повторилъ онъ одну изъ фразъ Іогана, и снявъ лиственную шляпу, съ усталымъ видомъ вытеръ свою лысину, покрытую крупными каплями испарины.

— Совершенно вѣрно, г. профессоръ, подхватилъ Іоганъ, народъ этотъ просто сказать ничего не стоящая мразь, а все-таки совѣтую вамъ одѣть вашу шляпу, такъ какъ мы, я вижу, выходимъ на поляну, а здѣшнее солнце, какъ вамъ извѣстно, шутить не любитъ, я и то уже чувствую, что моя кожа снова начинаетъ горѣть.

Дѣйствительно, лѣсъ мало-по-малу начиналъ рѣдѣть и сквозь его чашу уже сквозила яркая зелень поляны, залитой жгучими лучами тропическаго солнца.

Черезъ минуту, другую путешественники наши вышли

на нее и разомъ остановились, едва сдерживая крикъ страха, который готовъ былъ сорваться съ ихъ губъ. Правду сказать, удивленіе и страхъ ихъ имѣли полное основаніе. На широкой лѣсной прогалинѣ, шагахъ въ десяти передъ ними, вышались двѣ сѣровато-бурыхъ, медленно двигавшихся громады. Да, сомнѣнія быть не могло, дядя Карлъ понялъ, что

это были не болѣе не менѣе, какъ два динотерія, два представителя особой породы слоновъ, населявшей нѣкогда землю вмѣстѣ съ другой ея разновидностью, которая называется теперь мастодонтами. Эти первобытные предки современныхъ слоновъ медленными движеніями своихъ огромныхъ хоботовъ срывали цѣлыми снопами сочные папоротниковые побѣги, но при появленіи людей оставили свое занятіе и устремили

на нихъ взглядъ небольшихъ, но умныхъ глазъ, слегка приподнявъ свои громадные уши.

— Отчего же вы остановились,—спокойно обратился къ европейцамъ молодой туземецъ, шедшій къ нимъ ближе другихъ.

— Какъ отчего,—пролепеталъ, заикаясь, Іоганъ,—а... а... а... эти, и онъ указалъ на огромныхъ динотеріевъ, сисясь исчезнуть за ближайшимъ стволомъ.

— Это,—въ недоумѣніи повторилъ юноша,—ну это — „большіе звѣри“.

— Ну да, большіе! Что же намъ теперь дѣлать?

— Какъ, что дѣлать, итти за провизіей!

— Мимо этихъ чудовищъ,—съ отчаяніемъ воскликнулъ Іоганъ.

— Да это не чудовища, а большіе звѣри,—вразумительно пояснилъ молодой человѣкъ.

— Тѣмъ хуже,—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Іоганъ,—вѣдь они на насъ нападутъ. Такого рода опасеніе крайне удивило собесѣдника ученаго кулиара.

— О, нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—этого никогда не бываетъ, большіе звѣри никогда не нападаютъ на людей, посмотри, отецъ идетъ возлѣ нихъ и они его не тронутъ. Дѣйствительно, животныя, увидавъ съ кѣмъ ихъ свелъ случай, повидимому, совершенно перестали интересоваться вышедшими на поляну людьми и снова принялись за свой прерванный завтракъ съ такимъ спокойствіемъ, что даже не особенно храбрый Іоганъ, въ концѣ концовъ, пріободрился и вмѣстѣ съ другими вышелъ на поляну. Профессоръ же Курцъ попросилъ даже все общество остановиться на минуту, чтобы полюбоваться этими живыми представителями давно исчезнувшей фауны.

Передъ изумленными взорами нашихъ друзей двигались

два громадныхъ животныхъ, весьма похожихъ на современныхъ слоновъ и отличавшихся отъ нихъ по внѣшности: во-первыхъ значительно большими размѣрами и во-вторыхъ загнутыми книзу клыками нижней челюсти, что придавало ихъ страшнымъ головамъ нѣкоторое сходство съ головами обыкновенныхъ моржей.

Глядя на этихъ животныхъ, наши европейцы еще разъ и еще острѣе почувствовали, что волею какой-то таинственной и непонятной силы они заброшены далеко отъ своего времени и что природа, которую они созерцаютъ теперь, чужда и непонятна имъ, такъ же какъ чуждъ и непонятенъ, несмотря на всю его простоту и безхитрость, обитающій здѣсь человѣкъ.

— Что за гигантскіе допотопные слоны,—съ удивленіемъ проговорилъ Іоганъ, стоявшій дальше другихъ отъ этихъ животныхъ.

— Да вѣдь это вовсе не слоны,—наставительно замѣтилъ профессоръ Курцъ.

— Такъ неужели же, дядя, это мамонты, воскликнулъ Бруно.

— Ахъ, Боже мой, какіе тамъ мамонты; мамонты имѣютъ густую темно-бурую и довольно длинную шерсть, а эти безволосы, какъ и обыкновенные слоны, но самое главное это то, что мамонты имѣютъ два громадныхъ клыка, выходящихъ изъ верхней челюсти и загнутыхъ вверхъ въ видѣ спирали.

— Ага, такъ значить это такъ называемые мастодонты,—объявилъ Ганцъ,—думая что ему удалось, наконецъ, угадать названіе этихъ звѣрей.

— Да совсѣмъ же это не мастодонты, потому что у мастодонтовъ клыки верхней челюсти были совершенно такіе же, какъ и у нашихъ слоновъ и кромѣ того, такіе же

клыки имѣли они и на нижнихъ челюстяхъ, такъ что всего ихъ было по четыре у каждого мастодонта.

— Ужъ лучше г. профессоръ, вы сами скажите, какъ называются эти звѣри, иначе, я боюсь, что мы будемъ угадывать это до самого вечера.

— Да неужели же, господа, вы не узнаете динотеріевъ,—воскликнулъ ученый,—ну можно ли не знать такихъ простыхъ вещей!

— Ахъ, г. профессоръ, вы забываете, что всѣ эти вещи стали для насъ простыми, только съ позавчерашняго дня, съ грустью возразилъ Іоганъ.

Поглядѣвъ еще нѣсколько минутъ на динотеріевъ, караванъ снова двинулся въ путь, углубляясь въ лѣсъ, въ которомъ все чаще и чаще попадались теперь плодовые деревья, превратившіяся, наконецъ, въ господствующую породу.

Этотъ странный уголокъ дѣвственнаго лѣса, походившій скорѣе на какой-то необыкновенный, огромный садъ и былъ, какъ оказалось, цѣлью ихъ путешествія.

Еще издали, подходя къ нему, наши друзья къ крайнему своему изумленію услышали довольно оживленный людской говоръ.

— О, о! Слышишь, тамъ, кажется, есть уже люди,—обратился удивленный профессоръ къ хозяину.

— Да, тамъ уже много людей. Сюда приходятъ за плодами всѣ, которые живутъ близко.

— Отчего же вы не построили здѣсь своего жилища,—спросилъ Бруно,—тогда вамъ ненужно было бы ходить такъ далеко за плодами.

— Здѣсь нѣтъ воды,—пояснилъ молодой,—въ корзинѣ плодовъ можно принести очень много, а воды въ корзинахъ носить, ты знаешь, нельзя.

— А что эти люди, такъ же какъ и вы не ѣдятъ звѣ-

рей, на всякій случай освѣдомился Іоганъ, въ которомъ вдругъ проснулись опасенія за цѣлость собственной особы.

Молодая женщина съ удивленіемъ поглядѣла на него.

— О нѣтъ,—отвѣчала она,—эти люди такіе же, какъ и мы и они ѣдятъ только плоды.

Когда наши друзья вошли, наконецъ, въ ту часть лѣса, которая, повидимому, служила для этого племени источникомъ ихъ повседнежнаго пропитанія, они увидѣли, что здѣсь уже собралось болѣе сотни человѣческихъ существъ, занимавшихся собираніемъ плодовъ.

Здѣсь были и мужчины, и женщины, и дѣти, и вся эта толпа суетилась и, усердно работая, оживленно болтала между собой. Нѣкоторые изъ нихъ съ необыкновенной ловкостью взбирались на деревья, срывая или просто стряхивая плоды, которые, стоявшіе внизу, спѣшили убирать въ корзины; другіе при помощи своихъ дубинокъ выкапывали изъ рыхлой почвы коренья; а нѣкоторые, наконецъ, были заняты собираніемъ ягодъ и травъ.

Особенно поразительнымъ и непонятнымъ для европейцевъ показалось то, что всѣ эти люди не только своимъ ростомъ и сложеніемъ поразительно походили другъ на друга, но даже и по лицу наши путешественники едва различали ихъ одного отъ другого. Бѣдный, усталый Іоганъ неразъ оказывался жертвой этого рокового сходства, такъ какъ, при первыхъ же шагахъ среди этого общества, поминутно обращался къ людямъ совершенно незнакомымъ въ полной увѣренности, что говоритъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ радужныхъ хозяевъ. Правда ему всегда отвѣчали привѣтливо, но все же Іоганъ каждый разъ, когда обнаруживалась его ошибка, приходилъ въ крайнее раздраженіе.

Какъ ни чуждо было для европейцевъ все то, что происходило теперь передъ ихъ глазами, однако, они успѣли

примѣтить, что присутствовавшіе здѣсь туземцы заняты обсужденіемъ какого-то, вѣроятно, весьма важнаго для нихъ вопроса. Даже появленіе среди нихъ необыкновенныхъ людей „другого берега“ произвело значительно меньшее впечатлѣніе, чѣмъ то можно было ожидать. Вновь прибывшихъ, конечно, окружили, осмотрѣли ихъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и сдѣланныя ими корзины, но затѣмъ всѣ снова поспѣшно вернулись къ своимъ занятіямъ и къ своей бесѣдѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Желѣзо.

— Откуда берется желѣзо?

— Его достаютъ изъ земли; только въ землѣ оно находится не въ чистомъ (металлическомъ) видѣ, а въ видѣ каменной—желѣзной руды. Желѣзная руда совсѣмъ не похожа на желѣзо. Цѣлыя тысячелѣтія люди смотрѣли на горы изъ желѣзной руды, но не умѣли ею воспользоваться. Мы теперь можемъ только удивляться, какъ наши отдаленные предки обходились безъ желѣза.

Не имѣя топора, чтобы срубить и отесать дерево, они плели себѣ хижины изъ прутьевъ и обмазывали ихъ грязью. Чтобы ободрать шкуру съ убитаго звѣря, они пользовались острымъ камнемъ вмѣсто ножа, а чтобы сшить себѣ изъ этой шкуры одежду, древній человѣкъ не имѣлъ стальной иглы и прокалывалъ дырки рыбьею костью, чтобы продѣть туда нитку изъ кишекъ и жилъ животныхъ. Чтобы обработать участокъ земли, твердой, отъ вѣка непаханной, перепутанной тонкими корешками и травами, человѣкъ пахалъ ее острымъ сукомъ крѣпкаго дерева. Сохи и плуга еще не было въ то время, такъ какъ не было желѣза.

того, что потомъ превратится въ войну изъ-за благъ земныхъ,—проговорилъ Ганцъ наставительно, съ этими словами онъ обрушилъ внизъ цѣлый градъ плодовъ, встряхнувъ еще нетронутую до сихъ поръ вѣтку.

— Эй, эй, господа, нельзя ли тамъ наверху направлять ваши выстрѣлы въ болѣе приличное мѣсто,—жалобно завопилъ Іоганъ, почесывая разомъ три или четыре мѣста, ушибленныхъ послѣднимъ каскадомъ плодовъ,—этакъ не трудно превратить человѣка въ отбивную котлету.

— Довольно, довольно, господа, — говорилъ въ то же время дядя Карлъ, корзины полны и я нахожу, что два плода, упавшіе мнѣ на голову, могли бы оставаться на деревѣ безъ особаго для меня ущерба.

Повинуясь этому сигналу, братья поспѣшили сойти внизъ. Окончивъ уборку корзины, всѣ четверо подошли къ той группѣ людей, въ которой стояли ихъ хозяева и съ большимъ интересомъ стали прислушиваться къ общему разговору.

— Кто живетъ близко, — говорилъ какой-то старикъ, пользовавшійся очевиднымъ уваженіемъ слушателей, — тотъ можетъ идти къ своему жилищу, нужно идти и тому, у кого тамъ осталась семья, но другимъ лучше остаться здѣсь.

— А почему лучше остаться здѣсь,—вполголоса спросилъ профессоръ, обращаясь къ хозяину. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на человѣка, непонимающаго такихъ, какъ ему казалось, простыхъ вещей.

— Сегодня ночью здѣсь пройдетъ ураганъ, — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась какая-то тревога, — не всѣ успѣютъ вернуться, а завтра много жилищъ будетъ лежать на землѣ.

Этотъ отвѣтъ сразу объяснилъ нашимъ друзьямъ причину всеобщаго безпокойства. Оказывалось, что всѣ эти

люди дѣйствительно предчувствовали грозу, которая, судя по ихъ тревогѣ, была для нихъ, вѣроятно, не малымъ бѣдствіемъ.

— Да, лучше остаться здѣсь, въ пещерахъ, продолжалъ тотъ же ораторъ, мѣста въ нихъ много, а вода сегодня будетъ вездѣ. Сегодня ночью съ неба упадетъ много огня, и тѣ, которые будутъ въ своихъ жилищахъ, соберутъ его тамъ; мы останемся въ пещерахъ и соберемъ его здѣсь, а потомъ понесемъ съ собою...

— Огонь! Слышите ли, милый Бруно, огонь,—радостно шепталъ Іоганъ, подталкивая локтемъ молодого человѣка,—вѣдь этакъ, пожалуй, мы доберемся когда-нибудь и до жаркого!

— Такъ-то оно такъ, но только я сильно сомнѣваюсь, чтобы ваша стряпня пришлась по душѣ этимъ людямъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Огонь, слышишь ли милый Ганцъ, огонь! — въ свою очередь шепталъ ученый археологъ, такъ же какъ и Іоганъ, подталкивая локтемъ своего племянника, — огонь! Теперь я понимаю, что эти люди стоятъ еще на рубежѣ того времени, когда огонь, этотъ великій рычагъ цивилизаціи, становится предметомъ повседневнаго обихода, теперь же онъ является для нихъ еще лишь случайной роскошью.

— Очень вѣроятно, дядя, что ты и правъ, но въ настоящую минуту меня интересуешь другой вопросъ,—пойдемъ ли мы сегодня обратно, или же останемся здѣсь, что по моему было бы гораздо лучше, особенно если пещеры окажутся сколько-нибудь сноснымъ пристанищемъ. Впрочемъ, мы, вѣроятно, сейчасъ это узнаемъ,—смотри-ка, многіе начинаютъ уже расходиться.

Дѣйствительно, изъ собравшихся тамъ и здѣсь группъ, поспѣшно отдѣлялись тѣ, которыя предполагали еще возвра-

таться къ своимъ жилищамъ. Торопливо закончивъ укладку своихъ корзинокъ, они ставили ихъ на головы и семьями или въ-одиночку расходился по лѣсу въ разныя стороны. Въ то же время остающіеся собирались мало-помалу въ одну общую группу, въ которой оказалось также и семейство, пріютившее нашихъ горемычныхъ друзей.

Наконецъ и эта толпа, состоявшая человѣкъ изъ сорока мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей, двинулась въ путь, направляясь къ пещерамъ.

Во время этого короткаго перехода европейцы успѣли нѣсколько ближе сойтись со своими новыми знакомыми и были несказанно удивлены, подмѣтивъ, что всѣ эти люди не только по внѣшнему виду, но даже и по своимъ внутреннимъ качествамъ поразительно схожи между собой.

— Въ наше время нечего и думать встрѣтить такое удивительное однообразіе взглядовъ, привычекъ, наклонностей и желаній даже среди самыхъ близкихъ друзей и родныхъ,— замѣтилъ Бруно, обращаясь къ брату.

— Да, да,—шутя согласился тотъ,—вотъ, напримѣръ, Іогану и дядѣ Карлу только и не хватаетъ такого единодушія. Во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что если человѣкомъ и было когда-нибудь достигнуто полное равенство съ себѣ подобными, такъ, конечно, это случилось именно теперь.

— Шутя ты высказалъ помоему совершенно правильную мысль, но къ этому я прибавлю, что вмѣстѣ съ равенствомъ здѣсь осуществлено и братство.

— Вотъ, вотъ,—саркастически вставилъ свое замѣчаніе Іоганъ,—вамъ только и не хватаетъ для полноты знаменитой французской троицы одной единственной свободы.

— Какъ, развѣ вамъ еще мало той свободы, которой мы пользуемся здѣсь?—удивился Бруно.

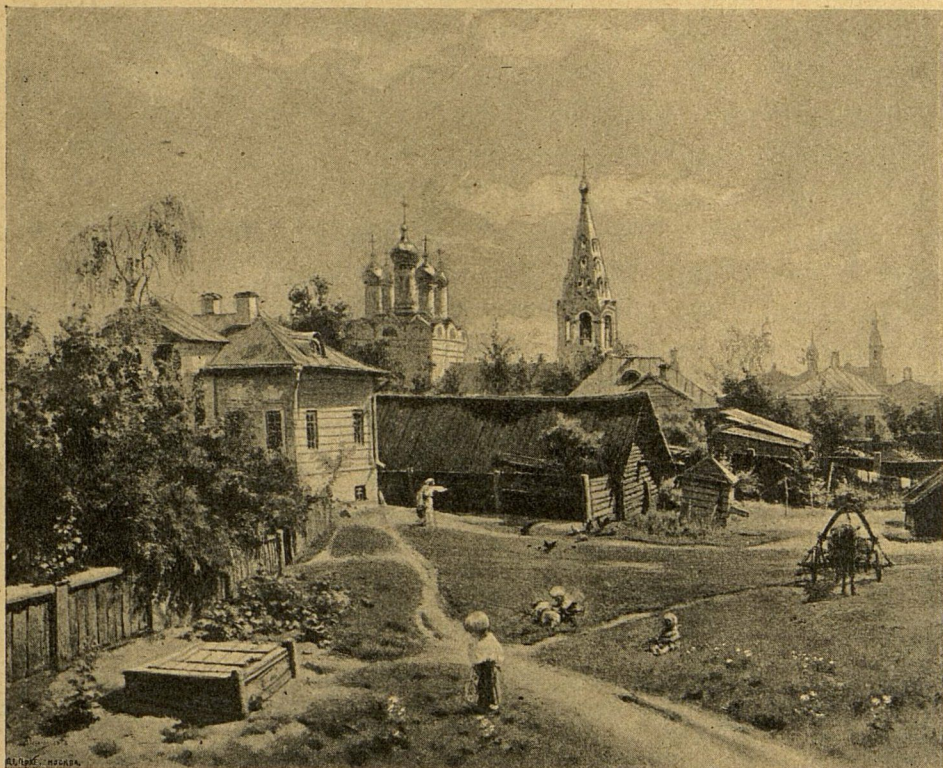
— Помилуйте, господа, какая же это свобода.—Я, хочу спать на постели, желаніе кажется вполне умѣренное, и что же изъ него выходитъ, а то, что меня отправляютъ въ птичье гнѣздо; я хочу съѣсть чего-нибудь мясного, въ Нюренбергѣ въ самую глухую полночь я могу удовлетворить свое желаніе за какіе-нибудь 20 пфенниговъ, а что изъ этого выходитъ здѣсь? То что я самъ едва не попалъ въ мясное блюдо, на завтракъ, какимъ то допотопнымъ червямъ.

Скажите, ужъ не это ли вздумали вы называть свободой! Нѣтъ, нѣтъ,—я готовъ подчиниться всѣмъ стѣсненіямъ, которыя налагаетъ на человѣка наша нѣмецкая свобода, лишь бы имѣть подъ рукою ресторанъ съ порядочною кухней...

Между тѣмъ дядя Карлъ особенно заинтересовался тѣмъ самымъ старикомъ, который пользовался среди туземцевъ такимъ замѣтнымъ авторитетомъ. При всемъ своемъ желаніи, хотя приблизительно, опредѣлить возрастъ своего собесѣдника дядя Карлъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ не только никто изъ присутствующихъ не помнилъ дня его рожденія, но даже и онъ самъ помнилъ себя только уже взрослымъ человѣкомъ. Жилъ онъ одиноко со своимъ единственнымъ правнукомъ, бывшимъ вѣроятно однихъ лѣтъ со старшимъ сыномъ хозяина нашихъ европейцевъ. Этотъ внукъ въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ стать мужемъ дѣвушки, семья которой была, по несчастному случаю, заѣдена крокодилами, такъ что изъ всѣхъ уцѣлѣла она одна. Такимъ образомъ старикъ ласкалъ себя надеждою увидѣть вскорѣ вокругъ себя веселую семью, которая наполнила бы новымъ интересомъ его догорающую уже жизнь. Говоря обо всемъ этомъ, онъ посматривалъ съ необыкновенною любовью впередъ, гдѣ рука объ руку шла та самая молодая пара, на которой покоились теперь всѣ его упованія.

Всѣми этими мыслями и желаніями старикъ этотъ на-

Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Московскій Дворикъ.

Карт. В. Полѣнова.

помнилъ Курцу знакомаго ему, современнаго человѣка и даже и его самого, поэтому ученый, забывая что передъ нимъ стоитъ только дикарь глубокой древности, всѣмъ сердцемъ откликнулся на его чувства, въ области которыхъ эти люди начала и конца исторіи оказались вполнѣ понимающими другъ друга...

Наконецъ, послѣ большого подъема, все общество съ веселымъ говоромъ подошло къ скалистому подножію невы-

сокой горной цѣпи, среди расщелинъ которой и находились пещеры, составлявшія цѣль ихъ путешествія.

Но едва туземцы приблизились къ нимъ шаговъ на пятьдесятъ, какъ вдругъ поведеніе ихъ сильно измѣнилось. Корзины быстро были поставлены на землю, дѣти сбились въ кучу позади старшихъ, которые привычными движеніями уже вооружались своими дубинками и камнями.

Удивленіе нашихъ друзей, вызванное столь необыкновенной переменой, скоро разсѣялось и перешло въ невольный страхъ, такъ какъ изъ глубины тѣхъ самыхъ пещеръ, которыми всѣ рассчитывали воспользоваться, какъ временнымъ убѣжищемъ, вдругъ послышалось ужасное рыканіе. То были могучіе голоса грозныхъ предковъ современныхъ тигровъ, кровожадныхъ повелителей индусскихъ джунглей. Люди и звѣри видимо разомъ почувляли другъ друга, и непримиримая вражда уже вспыхнула въ крови этихъ вѣчныхъ соперниковъ, отражаясь въ глазахъ людей тѣмъ самымъ зловѣщимъ холоднымъ огнемъ, который былъ уже знакомъ нашимъ путешественникамъ.

Прошла минута тяжелаго, напряженнаго и нѣмого ожиданія.

Будто отлитые изъ стали эти люди, двойнымъ полукольцомъ изогнули свою боевую линію шагахъ въ тридцати отъ первыхъ уступовъ скалъ. За ними стояли ихъ дѣти и невольные, взволнованные зрители этой сцены—наши цивилизованные, но безпомощные европейцы.

Вотъ могучее рыканіе повторилось снова, и двѣ огромныя фигуры эластическими прыжками выскочили изъ мрака пещеры и остановились въ полутѣни скалистыхъ утесовъ.

Безъ словъ, безъ жестовъ толпа едва замѣтно передвигалась, группируясь по какому-то таинственному, только ей понятному правилу предстоящей тяжелой борьбы.

Ни страха, ни колебанія, ни замѣшательства не подмѣтили наши наблюдатели среди этихъ людей, съ палками и камнями шедшихъ на своихъ могучихъ враговъ съ такою непоколебимою рѣшимостью, какъ будто бы въ ихъ понятіяхъ не было мѣста для мысли о возможности уклониться отъ этого рокового столкновенія. Звѣри тоже готовились къ битвѣ. Могучія спины ихъ напряженно изогнулись; длинные хвосты нервно и безпокойно извивались точно змѣи; они медленно, не торопясь подвигались впередъ и страшныя лапы, ихъ судорожно вздрагивая и выпуская огромные когти, будто ощупывали почву, готовясь къ роковому прыжку.

— Вотъ какова здѣсь война!—невольно вздрагивая всѣмъ тѣломъ, прошепталъ блѣдный и взволнованный дядя Карлъ.

И дѣйствительно это была война, но не наша современная война, въ которой люди въ ослѣпленіи убиваютъ себѣ подобныхъ, нѣтъ, то была страшная доисторическая война человѣка со звѣремъ, война за первенство въ природѣ; война, которая въ продолженіи многихъ тысячъ лѣтъ велась тогда человечествомъ во всѣхъ обитаемыхъ уголкахъ міра, была необходимымъ условіемъ его существованія и превратилась почти въ инстинктивную потребность, какъ для него, такъ и для его враговъ.

Едва дыша глядѣли на это зрѣлище наши друзья; полные страха за исходъ битвы, широко раскрытыми глазами слѣдили они за малѣйшимъ движеніемъ той и другой стороны.

Вотъ тигры разомъ едва замѣтно присѣли, готовясь къ прыжку и... въ тотъ же мигъ цѣлая туча камней со свистомъ прорѣзала воздухъ и градомъ посыпалась на звѣрей, предупредивъ ихъ прыжокъ.

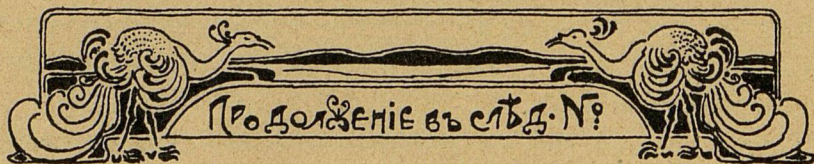
Тигры взвыли отъ бѣшенства и боли и страшнымъ скачкомъ бросились на неподвижную толпу. Однако люди видимо были готовы къ этому и, вовремя отскочивъ, раступились

правильнымъ кругомъ, въ центрѣ котораго оказались теперь ихъ оба врага, уже нѣсколько ослабленные первымъ залпомъ. И едва только тигры успѣли коснуться земли, какъ вторая туча камней, снова осыпала ихъ, исторгнувъ новый ревъ боли и ярости; въ тотъ же мигъ, словно отвѣчая имъ, все подвижное кольцо людей, испуская дикій, изступленный, не человѣческій вой, вдругъ бросилось къ центру и прежде чѣмъ успѣли понять наши друзья все, что произошло передъ ихъ глазами, люди и звѣри слились въ двѣ безформенныя массы, катавшіяся по землѣ съ ревомъ и воємъ вражды, боли и злобы.

Какъ дрались между собою эти смертельные враги,—уловить было невозможно, но звуки глухихъ, тяжелыхъ ударовъ раздавались съ неуклонной силой, а песокъ подъ ними все гуще и гуще окрашивался страшнымъ багрянцемъ.

Прошли двѣ, три томительныя минуты и вотъ одинъ изъ этихъ ужасныхъ комьевъ живыхъ существъ сталъ какъ будто затихать,—еще минута, и отъ него мало-помалу, одинъ за другимъ начали отдѣляться люди и, наконецъ, передъ глазами нашихъ друзей показалось полосатое, безжизненное тѣло тигра, а на немъ, словно боясь еще выпустить своего смертельнаго врага, неподвижно лежало два человѣческихъ трупа.

Увы, то была кровавая плата, которой человѣчество покупало на сегодня свое роковое первенство въ природѣ.

Т у м а н ъ.

К. Эвальда.

Солнце только что закатилось. Лягушка квакала свою вечернюю молитву. Молитва эта была такой длинной-длинной,—казалось ей не будетъ конца. Пчелка медленно возвращалась въ свой улей. И маленькія дѣтки плакали,—имъ тоже нужно было укладываться въ свои постельки. Цвѣты закрывали свои чашечки и склоняли на ночь свои головки. Олень покойно укладывался въ мягкой высокой травѣ, среди зеленой лѣсной лужайки.

Въ деревенской церкви колокола прозвонили вечеръ, и старій звонарь, окончивъ свои обязанности, возвращался домой. По дорогѣ онъ обмѣнивался привѣтствіями съ поселянами, которые встрѣчались ему на пути или стояли у дверей своихъ избъ и курили трубки. Пожелавши сосѣдямъ доброй ночи, онъ заперъ на ночь свою дверь.

Постепенно становилось все тише и тише. Надвигалась ночь. Только въ домѣ священника и доктора еще виднѣлся свѣтъ. Въ крестьянскихъ же избахъ было совсѣмъ темно. Вѣдь лѣтомъ крестьяне встаютъ рано и должны, поэтому, заблаговременно укладываться въ свои постели.

Но вотъ на небѣ блеснули звѣздочки. И все выше и выше сталъ подниматься мѣсяцъ. Въ деревнѣ залаяла собака, очевидно спросонья, — повидимому совсѣмъ не было причины къ ея безпокойству.

— „Кто здѣсь?“—спросилъ туманъ. Но никто не отвѣчалъ, такъ какъ никого и не было. Тогда туманъ одѣлся въ свои легкія прозрачныя одежды и пустился въ плясъ по лугу. Потомъ на нѣкоторое время улегся совершенно спокойно,

а затѣмъ снова принялся танцовать. Наконецъ онъ перекинулся черезъ озеро въ лѣсъ, гдѣ своими длинными, цѣпкими влажными руками обвивалъ стволы деревьевъ.

— „Кто ты, товарищъ? — спросила ночная красавица, горделиво раскрывшая свои лепестки и испускавшая аромат для своего собственного удовольствія.

Туманъ не отвѣчалъ и продолжалъ танцовать.

— „Я тебя спрашиваю, кто ты? — снова спросила ночная красавица. „Ты не отвѣчаешь, и я отсюда заключаю, что ты грубъ, невѣжливъ“.

— „Вотъ я тебя заключу“, — воскликнулъ туманъ. И при этомъ такъ крѣпко обнялъ ночную красавицу, что ея нѣжные листики сдѣлались совсѣмъ мокрыми.

— „Ай, ай!“ — закричала ночная красавица. „Бога ради, прими свои пальцы. Я точно въ болото погрузилась. Но послушай, любезный другъ, за что же ты сердишься, если я спрашиваю тебя, кто ты?“.

Туманъ вновь поднялся. „Кто я?“ — сказалъ онъ: „ты все равно не поняла бы, если бы даже я и рассказалъ тебѣ это“.

— „Попробуй“.

— „Я—роса на цвѣтахъ, я—облако на небѣ, я—туманъ на лугу“.

— „Какъ?!“ — воскликнула ночная красавица. „Повтори пожалуйста, что ты сказалъ. Росу знаю я. Каждое утро она унижаетъ мои листья. Но я рѣшительно не нахожу никакого сходства между ней и тобой.“

— „А все же я роса“ — печально сказалъ туманъ. Но никто не знаетъ меня. Всю жизнь свою я долженъ принимать разныя формы. Иногда я роса, иногда — дождь, иной разъ сверкаю я въ лѣсу, въ видѣ чистаго освѣжающаго родника. А если по вечерамъ на лугу танцую, люди говорятъ—„подымается туманъ“.

— „Это интересная исторія“, — сказала ночная красавица. „Не можешь ли ты мнѣ подробнѣй разсказать. Ночь вѣдь такъ длинна, и порой одиночество такъ тяготитъ меня“...

— „Печальная эта исторія. Ну, да я разскажу тебѣ ее“.

Съ этими словами туманъ плотно улегся вокругъ цвѣтка. Ночная красавица въ ужасѣ вся затряслась. — „Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, будь такъ добръ, оставайся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня“, — сказала она. — „До тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока ты, какъ слѣдуетъ, не отрекомендуешься мнѣ. Я не люблю быть интимной съ людьми, которыхъ не знаю“.

Туманъ отодвинулся и началъ свой разсказъ.

— „Родился я глубоко, глубоко въ землѣ, гораздо глубже, чѣмъ достигаютъ твои корни. Тамъ я и мои братья (ты должна знать, что мы сильнаго рода) родились въ видѣ кристально - свѣтлаго холоднаго ключа. Долгое время мы вынуждены были лежать въ своемъ логовищѣ. Но вотъ однажды, внезапно, выпрыгнули мы изъ подъ откоса одного холма на вольный широкій міръ. Ахъ, можешь повѣрить, — какое это удовольствіе бѣжать среди густого зеленого лѣса! Мы весело прыгали по камнямъ, плескались въ берегахъ. Маленькія миловидныя рыбки играли въ насъ, и красивыя, высокія деревья нагибались къ намъ и отражались въ насъ въ своемъ великолѣпномъ зеленомъ убранствѣ. Если же, случалось, падалъ листь къ намъ, мы бережно качали его, ласкали и выносили потомъ на широкій свѣтъ. Да, счастливая пора... Это было дѣйствительно лучшее время въ моей жизни.“

— „Но узнаю ли я, наконецъ, какъ ты сдѣлался туманомъ?“ — нетерпѣливо перебила ночная красавица. „Ручеекъ

знаю я. Когда кругомъ тихо, до слуха моего долетаетъ его веселое журчанье“.

Туманъ немного приподнялся и, покружившись надъ лугомъ, снова вернулся къ своему разсказу.

— „Что всего печальнѣй въ этомъ мірѣ, это то, что никогда не бываешь доволенъ тѣмъ, что имѣешь... Итакъ мы продолжали бѣжать, да бѣжать, пока не попали въ одно большое озеро, гдѣ широко раскинувшись, тихо покачивались на поверхности воды кувшинчики, да веселыя стрекозы трещали своими прозрачными, точно стеклянными, крылышками. Поверхность озера заманчиво блестѣла, какъ зеркало, но мы волей-неволей должны были бѣжать на дно его, гдѣ было такъ темно и неуютно. Я не выносилъ этого мрака и сильно затосковалъ по солнечнымъ лучамъ. Вѣдь я такъ полюбилъ ихъ, когда бѣжалъ въ ручьи! Бывало глядятъ они на насъ внизъ, проникая между листьями, или, суетливо отражаясь въ насъ, блестятъ, какъ золото. И захотѣлось мнѣ опять къ нимъ, на поверхность воды. И вотъ я пробрался къ водянымъ кувшинчикамъ и улегся въ просвѣтъ между ихъ большими зелеными листьями. Но, Боже, какъ невыносимо припекало здѣсь солнце! Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. И скоро уже горько раскаивался, что не остался тамъ, на днѣ.

— „Пойми же, наконецъ, что это вовсе не интересуеть меня“, — замѣтила ночная красавица. Скоро-ль, наконецъ, „туманъ будетъ?“

— „Вотъ онъ“, — сказалъ туманъ и такъ окуталъ цвѣтокъ, что совершенно лишилъ его зрѣнія и слуха.

— „Ой-ой!“ — закричала ночная красавица. — „Клянусь честью, ты самый пылкій товарищъ, котораго я когда-либо знала въ своей жизни. А все-таки отодвинься пожалуйста и продолжай дальше.

— „Вечеромъ, какъ только зашло солнце“,—продолжалъ туманъ,—„мнѣ вдругъ стало замѣчательно легко, какъ будто бы я могу летать. И прежде чѣмъ я понялъ, что такое произошло со мной, какъ вдругъ почувствовалъ, что поднимаюсь надъ поверхностью озера, надъ кувшинчиками, стрекозами все выше и выше. Вечерній вѣтерокъ подхватилъ меня и понесъ высоко въ воздухъ. Здѣсь встрѣтилъ я многихъ своихъ братьевъ, столь же любознательныхъ, какъ и я. Ихъ постигла та же судьба. Вмѣстѣ съ ними парилъ я въ облакахъ; мы стали тучкой—поняла ты?“

— „Что-то не совсѣмъ правдоподобно“,—замѣтила ночная красавица.

— „Тѣмъ не менѣе это дѣйствительная правда“,—сказалъ туманъ. Слушай только дальше. „Вѣтеръ понесъ насъ далеко, далеко по воздуху, но потомъ, очевидно, онъ потерялъ всякое удовольствіе таскать насъ и выпустилъ. И мы упали тогда на землю, въ видѣ шумнаго дождя. Цвѣты моментально закрылись; птицы поспѣшно попрятались къ себѣ въ гнѣзда; только утки да гуси, чѣмъ больше мы ихъ смачивали, тѣмъ радостнѣе и оживленнѣе становились они. Да еще крестьянинъ спокойно стоялъ подъ дождемъ и только радовался: его посѣвъ такъ нуждается въ дождѣ! Но вообще говоря, мы, конечно, производимъ большой беспорядокъ.

— „Такъ, такъ. Значитъ ты дождь“,—сказала ночная красавица: „тогда, конечно, у тебя масса дѣлъ“.

— „О, да. У меня ни минуты покоя“,—отвѣчалъ туманъ.

— „Но все же, какъ ты, наконецъ, сдѣлался туманомъ, я до сихъ поръ еще не узнала“,—сказала ночная красавица. „Только, Бога ради, не горячись, успокойся. Ты вѣдь самъ мнѣ обѣщалъ рассказать про это. И я готова лучше опять все сначала прослушать, чѣмъ еще разъ очутиться въ твоихъ ужасныхъ сырыхъ объятіяхъ“.

Туманъ опечалился, даже прослезился немного, но продолжалъ дальше.

— „Послѣ того, какъ я дождемъ упалъ на землю, я не долго оставался на ея поверхности, а сталъ просачиваться въ глубь ея. И тутъ я почувствовалъ такую сильную радость, что вновь возвращаюсь на мою родину, къ глубокому подземному источнику. Здѣсь, вѣдь, я имѣлъ покой и не зналъ никакихъ заботъ! Но увы! Когда я просачивался, вдругъ подхватили меня корни одного дерева. И, вмѣсто желаннаго отдыха и покоя, я долженъ былъ цѣлый день бѣгать по его вѣтвямъ и цвѣтамъ. Я сдѣлался для нихъ выючнымъ животнымъ—можешь ли ты понять это? Всѣ кушанья, которыми питаются листья и цвѣты его, я долженъ былъ перетаскивать къ нимъ отъ корней. Но однажды вечеромъ я освободился. Случилось это такъ. Вечеромъ, какъ только заходитъ солнце, всѣ цвѣты и деревья издаютъ глубокій прощальный вздохъ. Съ этимъ вздохомъ, въ видѣ легкаго тумана, улетѣлъ и я вмѣстѣ съ моими братьями. Сегодня ночью мы свободно танцуемъ надъ лугомъ, а утромъ, когда взойдетъ солнце, мы превратимся въ чистыя росинки, которыя повиснутъ и на твоихъ листьяхъ. Когда же ты стряхнешь насъ, мы будемъ стараться, просачиваясь сквозь землю, добраться до своего родного источника, если по дорогѣ то или иное дерево вновь не подхватитъ насъ. Если это не случится, тогда путешествіе продолжится дальше: черезъ родникъ въ озеро, потомъ въ воздухъ, потомъ опять на землю, внизъ“...

— „Остановись же!“ — закричала ночная красавица. — „Я могу захворать морскою болѣзнію, если дальше буду слушать тебя“.

Но вотъ проснулась лягушка. Она расправила свои члены и поползла къ лужицѣ, чтобы принять свою утрен-

ною ванну. Проснулись и птички, и лѣсъ наполнился ихъ веселымъ чириканьемъ. Наступало утро. Изъ-за холма выглянуло солнце. „Что это такое?“ — сказало оно: — „Зги не видно! Нѣтъ возможности даже собственную руку разсмотрѣть. Эй, утренній вѣтеръ! вставай же, лѣнивѣцъ, и разгони этотъ отвратительный туманъ“.

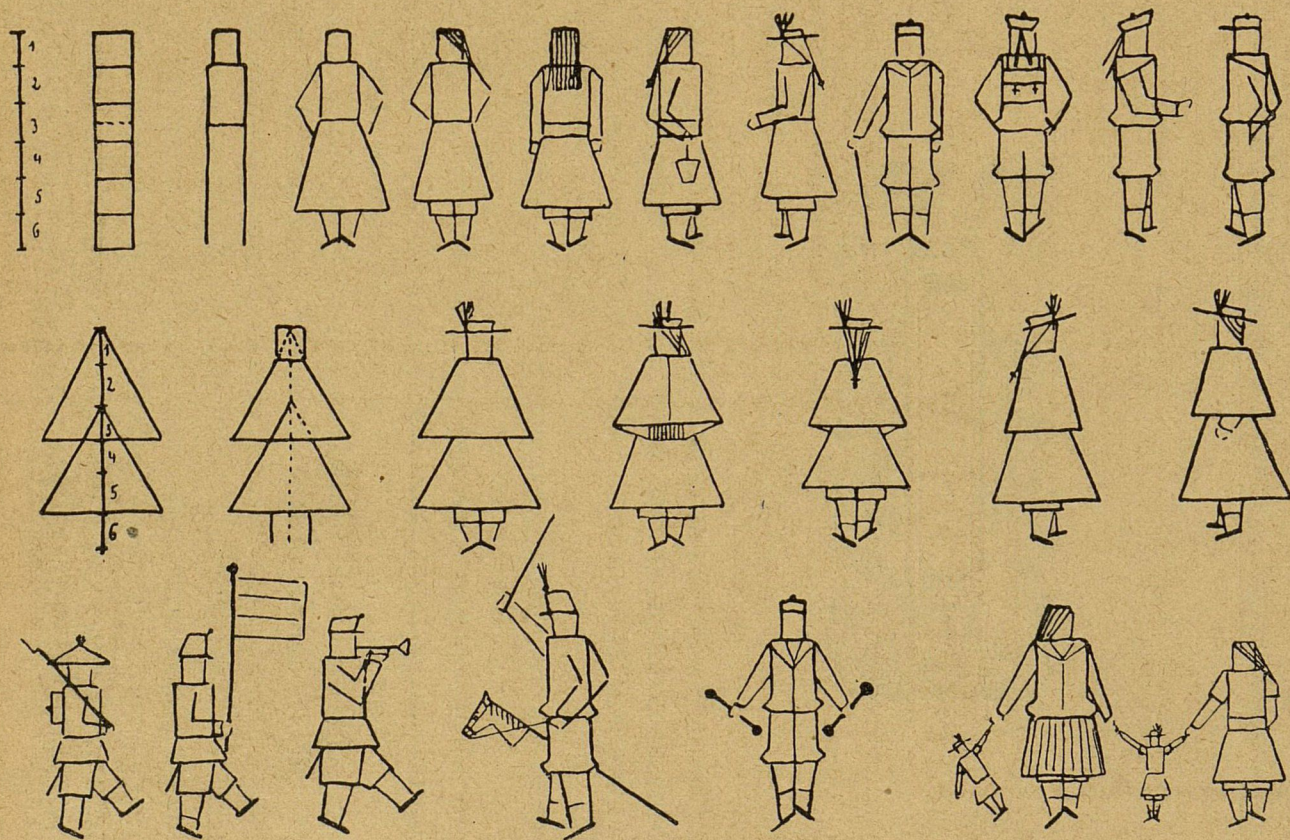
И утренній вѣтеръ подулъ надъ лугомъ и разогналъ туманъ. И тотчасъ же свой первый лучъ направило солнце на ночную красавицу.

— „Ахъ, Богъ мой! вотъ уже и солнце!“ — встревожилась ночная красавица. — Я должна закрыться. А гдѣ-то теперь туманъ?“

— „Я здѣсь“, — сказала вдругъ росинка, висѣвшая на ея стволикѣ.

Это было такъ неожиданно, что ночная красавица вся задрожала. Но солнце высмѣяло ее. А росинка весело искрилась въ солнечныхъ лучахъ.

Изъ 5 выпуска „Школы рисованія І. Ванъ-Дайка“ (см. 2 стр. объявленій).

**ПОЛЕЗНЫЕ и ПРИЯТНЫЕ
ПОДАРКИ для ДѢТЕЙ**

ГРАММОФОНЫ 8 руб.

ПЛАСТИНКИ „ГРАНДЪ“

(двухсторонней записи)

по 1 р. 75 к.

СОДЕРЖАЩІЯ

ДѢТСКІЯ,

СКАЗКИ,

ПѢСЕНКИ,

РАЗСКАЗЫ.

СПИСОКЪ:

ДѢТСКІЯ СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ

523. 1) Золушка, 2) Великанъ.
524. 1) Красная шапочка, 2) Золотов. кощечка.
525. 1) Котъ въ сапогахъ, 2) Гензель и Гретьель.
526. 1) Золотован. принцъ, 2) Дѣти въ лѣсу.
527. 1) Бѣлоснѣжка, 2) Злая волшебница.
528. 1) Ворона и лисица, 2) Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.

ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ

529. 1) Комаръ.
531. 1) Козликъ, 2) Лагушка.
530. 1) Пойманная птичка.
532. 1) Пѣтушекъ, 2) У Катеньки рѣвущики, 3) Дѣти въ школу собираются.

Полный каталогъ пластинокъ бесплатно.

И.А.НОВИКОВЪ прот. аптек. феррейнъ.

МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ.

СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

ЛѢЧЕБНИЦА

д-ра мед. Неткачева

для СТРАДАЮЩИХЪ

ЗАИКАНИЕМЪ.

Въ лѣчебницѣ также принимаю больные писчимъ спазмомъ, тикомъ, агорафобіей.

Москва, Пречистенскій бул., д. Бочарова.

КРАСОТА КОЖИ,

ея болѣзни и ихъ леченіе (Косметическія заболѣванія кожи)

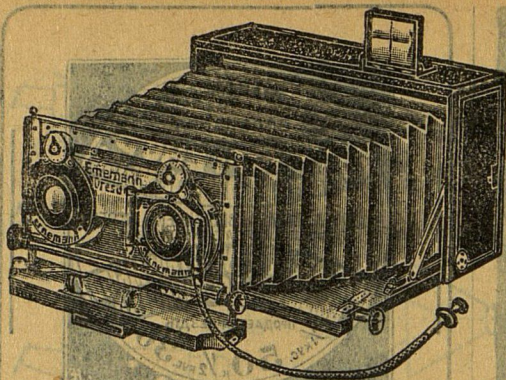
Сочиненіе проф. О. ИЕООНЕРА.

Перев. съ послѣдняго нѣм. изданія подъ редакціей дерматолога д-ра Г. М. Прядкина.

Данное произведеніе проф. Иесснера, извѣстнаго знатока въ области кожныхъ заболѣваній, благодаря живому и популярному изложенію, полезно и необходимо не только для врачей, но и для большаго круга читателей. Въ особенности читателей, которые, вслѣдствіе ошибочнаго мнѣнія, что болѣзненное состояніе кожи особенно косметическое не серьезны, стѣснялись обращаться къ врачамъ и лечатся домашними средствами, приносящими подчасъ не пользу, а вредъ.—Прим. ред.

Содержаніе книги: Введеніе.—Опрезленіе понятія красоты.—Врожденные измѣненія кожи: родимыя пятна и рыба чешуя.—Заболѣваніе сальныхъ и потовыхъ желѣзъ: салотеченіе, угри, сальные пробки, болѣзненная краснота лица, покрасненіе носа; потѣніе рукъ и ногъ.—Пигментация кожи при разныхъ условіяхъ температуры.—Румяна, бѣла и пудра.—Мозоли.—Бородавки.—Массажъ кожи.—Болѣзни волосъ и ихъ леченіе (косметика волосъ).—Болѣзни ногтей.—Рецепты

Цѣна книги 1 руб. Пересылка закрыт. бандер. 20 коп.; посылкой—по почтовому тарифу; наложен. платежомъ на 10 коп. дороже. Съ требованіемъ обраться Т-вый Д-мъ книгоизд. С. П. Омирова и А. И. Егорова. Москва, Кузнецкій Мостъ, д. Захаряна, и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

СКЛАДЪ
фотографическихъ
и оптическихъ
ПРИБОРОВЪ
Н. П. Павлова.

МОСКВА, Тверская, домъ Гиршманъ, близъ Садовой 67. Телефонъ 131-47.

ГРАММОФОНЫ и ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Каталоги по требованію.

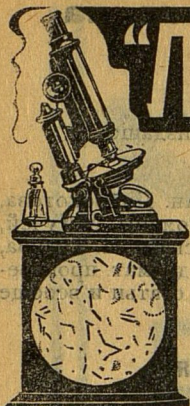
Мама! Купите ихъ
 въ Аптекарскомъ магазинъ
 Провизора

И. Ю. Герштейна,

что у Тверской заставы, въ домъ Ларионова, подъ № 77,
 одну баночку помады для волосъ

„КРИНОЛЬ“,
 отъ нея прекрасно растутъ волосы, а также уничтожается
 окончательно **перхоть.**

И для Васъ, маменька, эта помада лучше всякихъ дру-
 гихъ, а стоитъ только **75 коп. банка.**

“ЛАКТОБАЦИЛЛИНЪ”

молочно-кислые соедин., изготовл. подъ наблюд. проф. И. МЕЧНИКОВА с-мъ „LE FERMENT“ въ Парижѣ рекоменд. при всѣхъ болѣзняхъ желудочно-кишечнаго тракта и ихъ послѣдствіяхъ: при запорахъ, поносахъ, дизентеріи, брюшномъ тифѣ, туберкулезѣ, при воспал. почечъ, болѣзняхъ печени, артеріосклерозѣ и пр. „Употребленіе лактобацил, простоквашъ въ количествѣ 500—700 куб. сантим. въ день“ говоритъ проф. Мечниковъ, „регулируетъ кишеч. отправленія и благотворно дѣйст. на почеч. выдѣленія. Поэтому употреб. ея можетъ быть рекомендовано въ множествѣ случаевъ разстройства пищева- ренія и мочеиспусканія, а также и при многихъ наклонныхъ болѣзняхъ“. „Самъ я уже семь лѣтъ, какъ постоянно употреб. простоквашу. Я доволенъ получ. результат. и думаю, что такого продолж. опыта достаточно для того, чтобы мое убѣжденіе считалось основательнымъ“. Принимается въ видѣ ТАБЛЕТОКЪ, ПОРОШКА, БУЛЬОНА и ПРОСТОКВАШЪ (можно получать и кушать въ магазинѣ; абонементъ, доставка на домъ), для домаш. пригот. простоквашъ нѣжются ТЕПЛЫЯ НАМЕРЫ съ ледниками, посуда и ЖИДКАЯ ЗАКВАСКА (изъ получ. Париж. чистыхъ культуръ въ жидкомъ видѣ).

Продажа оптомъ и въ розницу. Перес. почтою по всей Россіи. Описаніе и преис-курранты бесплатно. Всѣ отзывы ученыхъ и всѣ КЛИНИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ относятся исключительно къ Лактобациллину О-ва le Ferment ЕДИНСТВЕН. ПРЕДСТАВ. котораго для Москвы является МАГАЗИНЪ ЛАКТОБАЦИЛЛИНЪ, Кузнецкій мостъ, д. 1-го Рос. Страх. О-ва.

ЛАКТОБАЦИЛЛИНОВЫЙ БУЛЬОНЪ

есть новый, сильнѣйствующій препаратъ, предложенный проф. Мечниковымъ; онъ обладаетъ замѣчательными лечебными и питательными свойствами, и назначается въ острыхъ или тяжелыхъ случаяхъ, когда требуется въ одно и то же время быстрое облегченіе желудочно-кишечныхъ припадковъ и полезное вспомо- гательно-питательное средство.

Простокваша проф. Мечникова. Телеф. 101-59.

**Едихственное
натуральное
растительное масло**

**изъ настоящихъ
Кокосовыхъ орѣховъ
подъ названіемъ
„КОКОСИТЬ“**

ЗАМѢНЯЕТЪ РУССКОЕ И
СЛИВОЧНОЕ МАСЛО

Остерегайтесь поддѣлокъ.

**Въ каждой семьѣ
за столомъ**

ДОЛЖНА НАХОДИТЬСЯ

**минеральная столовая
натуральная вода**

БАДЕНЬ-БАДЕНЬ

БЛАГОТВОРНО ДѢЙСТВУЮЩАЯ
НА ПИЩЕВАРЕНІЕ

!! Требуйте вездѣ !!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Эмакуиль О. Изба

Москва, Милютинскій
переулокъ, д. Чагина.

Телефонъ 202-28. • Кв. 15

Продолжается подписка на 1908 | 9 гг. на

ГОЛОСЪ.

Литературное и популярно-научное иллюстрированное издanie

ПРИ УЧАСТИИ:

Леонида Андреева, Ив. Бѣлоусова, Ив. Бунина, А. Вербицкой, Ан. Доброхотова, С. Дрожжина, П. Засодимскаго, Б. Зайцева, М. Михайловской, Романы Могуцей, Н. Могуцаго, С. Пинуса, Н. Степаненко, Н. Н. Телешова, Н. Тимковскаго, П. Тулуба, и мн. др. — Въ „Голосѣ“ печатаются: романы, повѣсти, рассказы, драмат. произведенія, стихотворенія, путешествія, этнографическ. и историческія статьи и вообще статьи по всѣмъ отраслямъ знанія. Сатира и пр.

Широко поставленный отдѣлъ „Библіографія“.

Въ „Голосѣ“ съ 1-го №-ра печатается новый большой историческій романъ М. Родзевича: „Были и будутъ“.читающіеся съ захватывающимъ интересомъ романъ этотъ, рисуя глубоко потрясающія положенія, переносятъ читателя въ смутную эпоху польскаго возстанія 60-хъ годовъ.

„Голосомъ“ приобрѣтено право печатанія цѣлаго ряда новыхъ произведеній выдающихся современныхъ писателей, отчасти уже напечатанныхъ въ вышедшихъ №-рахъ „Голоса“, отчасти печатающихся въ текущихъ №-рахъ. Въ настоящемъ году исполнилось 40 лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго писателя народника П. В. Засодимскаго. Въ №-рѣ „Голоса“, посвященномъ этому юбилею впервые появилась Автобіографія маститаго юбиляра и начата печатаніемъ новая большая повѣсть П. В. Засодимскаго:

ХУЛИГАНЪ

„Голосѣ“ даетъ цѣлый рядъ снимковъ съ произведеній выдающихся скульпторовъ и художниковъ. Клише для рисунковъ выписываются изъ за-границы.

„Голосѣ“ даетъ рядъ интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія, помѣщая на своихъ страницахъ новыя произведенія знаменитыхъ популяризаторовъ науки и зорко слѣдя за текущей научной журналистикой.

„Голосѣ“ при доплатѣ 35 коп. даетъ съ 1-мъ №-ромъ приложеніе: роскошно изданный томъ (160 стр.) литературнаго сборника, сод. произв. К. Баранцевича, Н. Телешова, И. Бѣлоусова и мн. другихъ.

Отдѣльно СБОРНИКЪ высылается за 70 коп.

Желая сдѣлать „ГОЛОСЪ“ доступнымъ для лицъ даже съ самыми ограниченными средствами, мы назначили самую минимальную подписную цѣну, а именно:

За 24 №-ра съ дост. и перес. **2 руб.**

За 12 №-ровъ съ дост. и перес. **1 руб. 25 к.**

Всѣ вышедшіе №-ра съ 1-го и приложеніе высылаются немедленно по полученіи денегъ. Пробный №-рѣ высыл. за 2 семикопѣчн. марки.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ:

ХАРЬКОВЪ, Епархіальная ул. 37, кв. 3.

Ред.—изд. **Х. В. Могуцій.**

ДѢТСКІЯ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МЯ

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-курскты безплатно.

Продолжается подписка на 1908 г.

(2 годъ изданія)

на популярно - образовательный и литературно - художественный иллюстрированный

журналъ для дѢТЕЙ 9—12-лѣтняго возраста.

„ДѢТСКІЙ МІРЪ“

Журналъ ставитъ своей задачей оказывать нравственное вліяніе на зарождающееся сознание молодыхъ читателей и удовлетворять запросы пытливаго дѣтскаго ума о различныхъ явленіяхъ внѣшняго міра.

Въ программу журнала входятъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярныя статьи по гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, физикѣ, химіи, механикѣ (опыты и задачи), біографіи ученыхъ, художниковъ, писателей, общественныхъ дѣятелей; легкія музыкальныя произведенія; шутки, загадки, ребусы и пр.

Журналъ помѣщаетъ повѣсти и рассказы, только взятые изъ жизни, и избѣгаетъ страшныхъ сказокъ и всего неестественнаго, что можетъ вредно отзываться на нервной системѣ дѣтей.

Религіозные вопросы журналъ освѣщаетъ преимущественно со стороны точнаго толкованія Евангелія.

Журналъ держитъ дѣтей вдали отъ политическаго движенія страны; на запросы же своихъ читателей отвѣчаетъ, придерживаясь идей всеобщаго равенства.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПРИ УЧАСТІИ:

Е. Бѣмъ, Н. Бронскаго, Г. Володина, И. Воскобойникова, Н. Гиляровской, Проф. С. Глазенапа, А. Гречанинова, П. Джунновскаго, Н. Клинскаго, В. Комарова, Проф. Н. Кочетова, А. Куприна, Ц. Кюи, Л. Пастернакъ, Петрова-Леонидова, Л. Чарской, Е. Чирикова, К. Шестакова, Т. Щепкиной-Куперникъ, Н. Якубовскаго и др.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ безъ всякихъ приложеній.

Подписная цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи, Москва, Малая Лубянка, 18, Телеф. № 15-03, въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, а также въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.